

Каншаем
Айтмухамбетова

В объятиях бабочки

Каншаем Карисовна Айтмухамбетова В объятиях бабочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29340553

SelfPub; 2018

Аннотация

Жизнь маленькой любознательной девочки, мечтающей о большой жизни в окружении интересных книг, открытий и познаний, прерывается по вине преступной безответственности, алчной жадности, тошнотворной трусости и безграничного безразличия окружающих людей.

В объятиях бабочки

1

Порой мы думаем, что жизнь всего лишь череда, сменяющих друг друга дней, напоминающих калейдоскоп, узор которого неуловимыми яркими пятнами проносятся перед взором. И красоту этих проходящих дней, наполненных любовью, радостью и счастьем мы порой и не успеваем оценить. За яркими пятнами калейдоскопных рисунков мы не видим узор витиеватых линий наших мыслей, чувств, надежд. Именно они – эти невидимые нити линий есть жизнь, но, к сожалению не сами мы наносим этот узор линий на полотно жизни.

Карлыгаш шла с работы, уверенно ступая своими широкими и пыльными в открытых сандалиях ногами по утопанной тропинке через парк домой. Молоденькие деревца, словно ветки, воткнутые в сухую рыжую землю, не давали ни тени, ни прохлады, некоторые из них и вовсе едва достигали роста высокой женщины. Солнце ещё стояло высоко, рассеивая по земле чуть покосившуюся тень. «Опять будет жаркий и душный вечер», – подумала Карлыгаш, одёргивая со своих широких плеч, прилипшее к телу цветастое платье. Объёмная хозяйственная сумка большим тёмным баулом оттягивала ей руку, выдавая недюжею мужскую силу в руках. Рыжая пыль клубилась за ней, оседая на сухой стянутой коже ног,

окрашивая их в один цвет с обувью.

Скрипнув железной дверью, она вошла во двор своего хозяйства. Всё было привычно. Ничто не радовало и не угнетало взгляда. Её ждал самый обычный суетный вечер, когда Карлыгаш торопилась закончить положенные к этому часу дела: собрать во двор скотину, надоить молока, отделить сливки, накормить семью ужином и, наконец, лечь в постель после очередного трудного дня, так похожего на все предыдущие.

Она домывала последние чашки, машинально раскладывая их на решётчатой сушилке для посуды. Ее раздражала накопившаяся за день усталость и намерение старших детей улизнуть из дома, чтоб провести полночи где-то на улицах: «Опять бездельники проболтаются всю ночь, завтра к обеду только встанут. Скорее подросли, да женились бы», мыслью о женитьбе взрослеющих сыновей, она подводила какую-то только ей известную итоговую черту только ей известном арифметическом сложении:

– Ербол, куда опять собрались? Кто утром выгонит коров, ты или Болат? Бабушка заболела, не буду ее будить, а то совсем ослабнет.

– Ма-а, что ты ругаешься, походим немного с пацанами и придем. А рано утром разбуди Айгерим с Ботагоз, все равно все утро не спят – хихикают, нам спать не дают.

– Когда же вы уже нагуляетесь со своими пацанами? Ботагоз, отнеси бабушке айран¹ в той желтой чашке, и спать ло-

житесь, утром рано разбуду, погоните коров к окраине вместо бабушки. Этих бездельников не допросишься.

С этими словами Карлыгаш захлопнула дверь в дом, оставив за ней шум людского говора, скрип ворот, лай собак, огни первых звезд и окутывающую землю мягким покрывалом темноту. В доме слышался шепот Ботагоз, она выспрашивала у бабушки маршрут дороги, по которой лучше погнать коров, чтобы не отстать от стада. В ее шепоте чувствовалось волнение от желания сделать порученную ей работу и беспокойство от недающей покоя мысли: «Хоть бы Айгерим не заартачилась рано утром вставать, тоже ведь любит допоздна побегать со своими девчонками. Хотя, раз мама сказала, куда она денется», – размышляла маленькая девочка. Бабушка напутствовала внучку, при этом громче стонала и кряхтела – не то от усиливающейся боли, не то от чувства вины перед девочками, не то из-за природной вредности, а может, ища большего сочувствия со стороны снохи. Но Карлыгаш внешне оставалась безучастна и к беспокойству дочери и к страданиям старушки, ну какой старый человек не стонет и не болеет. А что же ее интересовало? Интересовал ли в данный момент ее муж – тихий, не смелый человек, работающий в отдаленном отделении на животноводстве, предпочитающий решать проблемы безмолвным молчанием, вернее человек, не имеющий проблем? У него есть дом, жена в доме, дети, престарелая мать и работа, с которой он хорошо справляется, есть его родственники и родственники жены, с которы-

ми они видятся, шумно общаются и, слава богу, ни с кем не ссорятся. Интересовали ли ее мальчики – где они ходят, с кем общаются, о чем говорят, чего хотят, о чем мечтают? Старший Ербол через год окончит школу, там, через годик и Болат получит аттестат. Интересовали ли ее девочки – старшая десятилетняя Айгерим, которая, пользуясь своим старшинством, так и норовит всю домашнюю работу спихнуть на младшую сестру, а самой побегать по улицам с девчонками, поднимая пыль дорог и внося немалую лепту в создании шумной и оживленной жизни улиц. Младшая Ботагоз родилась на полтора года позже Айгерим и в отличие от сестры спокойная и задумчивая, но никогда никого не интересуется, о чем думает этот ребенок и думает ли вообще...

Зачем Карлыгаш нужно было думать обо всем этом? Ведь это то, что всегда с ней, наполняет её жизнь заботами. Она сбросила на пол одежду с запахом ее пота и уличной пылью, которую, встав, вновь наденет, в которой будет встречать новый день с криками птиц, бляением, мычанием животных, лаем собак, в которой утром поприветствует соседку – мужнину сестру, в которой пойдет доить коров, собирать на стол нехитрый завтрак для семьи: хлеб, свежие сливки, чай, сахар, оставшиеся лепешки. Но это завтра. А сейчас Карлыгаш поблагодарила бога за прожитый день, попросила Его, чтобы завтра не приходила машина с почтой из области, чтоб на работе просто поболтать со Светкой, а не раскладывать и разносить почту по всему селу, радуя сельчан и зля цепных

собак. Глаза смыкались, а губы растянула улыбка, при мысли, что быть может завтра, Светка расскажет с подробностями о проведенной ночи.

2

Это была *юность* года с ее короткими ночами, с длинным световым днем, с теплым ласкающим солнцем, с сочной зеленью молодой травы, со свежим благоуханием утреннего воздуха. Кругом было ликование и тождество ЖИЗНИ. Все кругом дышало и шептало: «ЖИВИ! ЖИВИ!».

Карлыгаш проснулась с тонкой полоской зарева, не дожидаясь первых лучей солнца. В доме тихо – только в соседней комнате слышно сопение ее девочек. Она заглянула, и при виде спящих детей ее сердце наполнилось трепетным чувством, которое тут же отразилось на ее губах – улыбкой счастья. Ботагоз свернулась калачиком рядом с бабушкой, ее рука касалась бабушкиного лица, как будто даже во сне она заботилась о ней. Они были близки, о чем-то всегда беседовали, часто их разговоры носили вуаль таинственности, словно они это делали нарочито, чтоб окружающие их не понимали. Ботагоз с бабушкой скромно расположились в углу комнаты, а Айгерим, напротив, «растянулась» посреди комнаты, ее поза напоминала разобранную на части куклу – руки и ноги вытянуты в разные стороны, волосы выбились из некогда бывших двух косичек и торчали во все стороны лохматыми жгутами, из-под небрежно наброшенного одеяла торчали ноги с четко очерченными границами пяток, носок и

пальцев. Карлыгаш лишь вздохнула и подумала: «Когда она уже перестанет прибегать с улицы и валиться под первое под руки попавшее одеяло. Ни волосы не причешет, ни умоется, а о грязных босых ногах и вовсе не вспомнит». С этими мыслями она прикрыла дверь и пошла прочь, на ходу собирая в тугой комок чёрные с редкой проседью волосы, чтоб навязать затем на них платок. На веранде дома спали ее мальчишки, с позами так же напоминающими разобранный конструктор, утомленные, но счастливые от предоставленной им свободы. Карлыгаш тихонько открыла незапертую дверь, за которой ее встречал новый день. Её тут же обдало прохладной свежестью утреннего воздуха. Слух пронзил бойкий крик соседского петуха. По двору гуляли, поблескивая серебристым оперением воробьи, на проводах, играя заострёнными хвостами, переговаривались ласточки на своём птичьем языке, редкие деревья готовые хвастнуть свежестью ярких акварельных красок молодой листвы важно шумели ветвями.

Не замечая всего этого ликования жизни, приподняв тяжелую деревянную калитку, Карлыгаш прошла в хозяйственный двор. Коровы одинаковой масти, похожие друг на друга, как родные сестры, важно и не спеша, шевеля толстыми, влажными губами, не очень-то любезно встречали её, возможно, им не хотелось нарушать томность их покоя. Но при звуке лязги пустого ведра, они стали медленно подниматься, словно, каждая часть их тела имела определенную последовательность действий, которую никак нельзя нарушить. Кар-

лыгаш нетерпеливо подгоняла их, чем вызывала раздраженное недоверие со стороны скотины и ей назло они по очереди дугой выгибали спины, тянулись, мычали и косились на хозяйку большими влажными глазами. А хозяйка при этом делала своё дело. Так было заведено у тро...

Карлыгаш радовали два наполненных молоком ведра, она приблизительно подсчитала, сколько это будет в виде сливок и взбитого масла, сколько оставит для семьи, а сколько можно будет и продать, ведь на вырученные деньги можно будет что-то купить детям, тем более на днях у маленькой Боты день рождения. Но параллельно с этим чувством удовлетворения была какая-то необъяснимая тревога. Возможно, это от того, что не суежилась рядом свекровь, помогая отвязывать и отгонять коров, при этом их ласково поглаживая своими натруженными и шершавыми от работы и от лет руками, что-то нашептывая им – временами подтрунивая, а временами и со всей строгостью журая. И животные, казалось, были встревожены отсутствием привычного лада.

Когда Карлыгаш вошла в комнату будить девочек, свекровь встрепенулась, намереваясь встать.

– Лежи, я разбуду девочек. Они справятся, не беспокойся – успокаивала сноха свою престарелую свекровь.

На голос матери тут же проснулась Ботагоз и принялась активно теревить Айгерим. Но ее старания были напрасны, Айгерим только ворочалась с боку на бок и лепетала невнятные слова возмущения. Видя отчаяние своей младшей доче-

ри, Карлыгаш поспешила ей на помощь:

– Айкон, ну-ка быстро поднимайся, скоро все выгонят скотину, только наши останутся во дворе, как вы всех нагоните?!

– М-м, не хочу!

– Тогда ни сливок, ни молока тебе не будет, ходи голодная. Кому сказала – поднимайся, мне некогда тебя уговаривать и без тебя дел не переделать, сейчас нашлаю – сразу все захочешь!

Когда с гримасой недовольства на лице выглянула взлохмаченная голова Айгерим из полураскрытой двери, Ботагоз со знанием дела с увесистой палкой в руках тихонько гнала коров к выходу со двора. Заметив строгий взгляд матери, брошенный в ее сторону, Айгерим испуганно сунула свои грязные ноги в такие же грязные сандалии и обреченно побрела в след сестре, подняв с земли кем-то оброненный маленький прутик. То ли свежесть утренней прохлады, то ли оживленное действие за пределами ворот так подействовало на старшую сестру, но в какое-то неуловимое мгновение она уже перехватила инициативу и бойко руководила процессом выгона скота. Тут еще тетя Ляззат, папина сестра, жившая по соседству, присоединила своих животных.

– Айгерим, что бабушка совсем разболелась? Захватите наших коров тоже. Динара с Максатом уехали в город, а то бы они сами отогнали.

– Хорошо, Ляззат апа². Нам совсем не тяжело. А Динара

когда придет? Я уже соскучилась по ней.

– Наверно, через недельку, потерпи, – ответила тетя, а сама подумала: «Ох, и хитрющая, Айкон. Скучает по Динаре, чтоб подраться с ней пару раз на дню».

– Ботагоз, что ты как не живая, видишь, Акмойынка в сторону выбилась? А ну беги за ней! И не гони их так быстро, что у тебя пятки горят?

Ботагоз командный тон сестры несколько не смутил, она воспринимала это как должное и, непрекословя, выполняла все ее требования. Так перемежая разные мелкие события по пути, они бойко справились с заданием и благополучно догнали животных до места назначения. На протяжении всего пути следования, им приходилось всем объяснять, с чем связаны перемены и куда делась их бабушка. Активное участие в объяснениях, конечно же, принимала Айгерим, с ее живым воображением бабушка пребывала в таких неопишуемых муках, что вызывало у всех неподдельное сочувствие и сострадание, но не столько к страданиям бабушки, сколько к переживаниям внучки. Бота молчала и следила за подопечными животными. Передав их местному пастуху Базарбаю, с масляным бронзовым загаром здорового грубого лица, который никак не сочетался с его неприятными почти писклявыми окриками, девочки повернули назад. Ботагоз тут же принялась маленькими детскими пальчиками отщипывать тоненькие стебельки желтеньких цветочков, припадая то там, то здесь низким поклоном к земле. Айгерим

же, словно сожалея о своём уходе, оглядывалась назад, любясь, как со свистом взвиваясь ввысь, хлётко и чётко ударяется о землю тонкая змейка хлыста, которым так искусно владел хозяин стада. Он отдалялся от них, втянув косматую голову на короткой шее в свои широкие плечи, на ногах поскрипывали выцветшие кирзовые сапоги, которые потемнели от влаги утренней росы.

Обратный путь домой был куда интересней для Айгерим, она то и дело не давала покоя сестренке своими разговорами и вопросами. Они придумывали различные игры, то Айгерим была принцессой, а Бота её верной фрейлиной, то певицей и Бота должна, не жалея ладоней, рукоплескать, то она с возгласами восторга бежала в сторону сверкающей яркими бликами на солнце стеклышку и принимала его за огромный бриллиант.

Айгерим считала свою сестренку скучной, но играть с ней было одно удовольствие, Ботагоз никогда не перечила и послушно выполняла все прихоти старшей сестры. Между ними никогда не возникало склок и ссор. Айгерим ценила покладистость и мягкость характера своей сестры, поэтому очень любила ее и другой сестры себе не желала. А Ботагоз и не представляла себе как не любить такую смелую, умную и находчивую сестру и где-то в душе очень завидовала ее способности, везде выделяться. Но и очень ей сочувствовала при многочисленных актах наказания со стороны взрослых, которые Айгерим умудрялась с незавидной частотой заслужи-

вать.

Ботагоз трепетала в моменты, когда старшая сестра проникалась к ней своим вниманием. Её круглые черные глаза вспыхивали, смуглые щеки наливались чуть заметным румянцем, пухлые губы незаметно растягивались в смущенной улыбке. Поравнявшись с младшей сестрой, Айкон взяла её за руку, убрала стебель сухой травы, нечаянно запутавшийся в чёрных волосах Боты, и тихо спросила:

– Ботагоз, скоро день твоего рождения, что бы ты хотела себе в подарок?

– Я в магазине видела большую книгу, на ее обложке фотография бабочки и птицы. Бабочка такая большая и красивая, что когда я на нее долго смотрю, мне кажется, что она вспорхнет своими огромными черными крыльями и будет вокруг меня летать. Когда я это себе представляю, у меня даже голова кружится. А птичка напоминает маленький зеленый самолетик. Айгерим, скажи, разве такое бывает, чтоб бабочки были больше птиц?

– Я тебя про подарок спрашиваю, а ты про какую-то книгу. Чего ты выдумала, что бабочки бывают больше птиц, птицы едят бабочек, а не бабочки птиц, – раздраженно ответила Айгерим на вопрос сестренки.

– Но я очень хочу в подарок эту книгу, мне кажется в ней столько всего интересного. И из нее мы стобой узнали бы все про птиц и бабочек и знали больше других.

– Я слышала про эту твою книгу, она много денег стоит,

поэтому ее никто не покупает. И мама ее тебе не купит. Посмотри, в каких ты стареньких трико ходишь. Лучше подумай о другом подарке, – по взрослому наставляла старшая сестра младшую.

– Когда я вырасту, буду покупать все интересные книги, и буду больше других все знать, – высказывала справедливое негодование Ботагоз.

– Зачем тебе это нужно? Когда ты быстрее всех бегаешь, это все знают и видят. Только Динара всегда хвастает, что больше меня и быстрее. Лучше бы она вообще не приезжала из города, а то приедет и будет опять хвастать: «Я ездила в город, ходила туда, ела то, купила это». А кто знает про твоих бабочек и букашек? Никто про них и не говорит, – злясь на родственницу соперницу, отчитывала сестренку Айгерим.

– А зачем вы с Динарой всегда деретесь? Потом мама с Ляззат апа ругаются из-за вас. А Ляззат апа как-то сказала маме, что мы все глупые, а ее Максат в этом году поедет поступать в институт и что Динара лучше тебя учится. Мне было очень обидно. Мы ведь совсем не глупые, вон Ербол ага³

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.